



ОТ ПОЛЯ К АРХИВУ: МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ И БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ПОДОТЧЕТНОСТЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Дарья Алексеевна Москвина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

4 ул. Союза Печатников, Санкт-Петербург, Россия

damoskvina@icloud.com

Аннотация: В статье анализируются представления о создании, обработке и хранении полевых материалов советских этнографов из московских учреждений через призму двух аспектов: 1) ведомственной принадлежности советской этнографии к историческим наукам и 2) бюрократической системы Института этнографии АН СССР, требовавшей подотчетности результатов полевой работы. Две устоявшиеся характеристики полевых материалов — как отчетных документов и как исторических источников — сформировались под влиянием концепции архива: с одной стороны, как результата принятого в дисциплине определения этнографического знания, с другой — как инструмента управления и систематизации этого знания. Автор обращается к двум частным примерам из истории центральных этнографических учреждений — методическим рекомендациям по созданию этнографических материалов в поле, закрепленным в методическом пособии по проведению этнографических экспедиций Г.Г. Громова (МГУ, 1966), и к организации в Институте этнографии АН СССР комиссии полевых исследований (1970), которая контролировала проведение экспедиций, в частности организацию хранения полевых материалов. В заключении отмечаются издержки внедрения этого инструмента отчетности, несмотря на явную символическую роль централизованного хранения этнографических материалов.

Ключевые слова: советская этнография, антропологический архив, полевые материалы, история антропологии.

Для ссылок: Москвина Д. От поля к архиву: методика создания и бюрократическая подотчетность этнографических материалов в позднесоветской этнографии // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 144–178.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-144-178

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/moskvina.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 67

FROM THE FIELD TO THE ARCHIVE: A METHODOLOGY OF THE CREATION AND BUREAUCRATIC ACCOUNTABILITY OF ETHNOGRAPHIC MATERIALS IN LATE SOVIET ETHNOGRAPHY

Daria Moskvina

HSE University

4 Soyuzya Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia

damoskvina@icloud.com

Abstract: This article examines the ideas of Soviet ethnographers from Moscow academic institutions regarding the creation, processing, and storage of field materials through the lens of two characteristics of the discipline: 1) the institutional affiliation of Soviet ethnography with the historical sciences, and 2) the bureaucratic system of the Institute of Ethnography of the Soviet Academy of Sciences, which required accountability of the results of fieldwork. The author argues that the two established characteristics of field materials — as documents for bureaucratic accountability and as historical sources — were shaped under the influence of the concept of the archive: on the one hand, as an outcome of the discipline's understanding of ethnographic knowledge as historical, and on the other, as a tool for the management and systematisation of that knowledge. The discussion draws on two case studies from the history of central ethnographic institutions: the methodological recommendations for creating and processing of field ethnographic materials formalised in Gennady Gromov's guide *Methodology of Ethnographic Expeditions* (Moscow State University, 1966), and the establishment of the Field Committee at the Moscow Institute of Ethnography in 1970 to control the expedition process and the organisation of archival storage of its results. In both cases, the author highlights how the concept of the archive was articulated in these contexts. The conclusion addresses the limitations of implementing this system of accountability, notwithstanding the symbolic role of the centralised storage of ethnographic materials.

Keywords: Soviet ethnography, anthropological archive, field materials, history of anthropology.

To cite: Moskvina D., 'Ot polya k arkhivu: metodika sozdaniya i byurokraticheskaya podotchetnost' etnograficheskikh materialov v pozdnesovetskoj etnografii' [From the Field to the Archive: A Methodology of the Creation and Bureaucratic Accountability of Ethnographic Materials in Late Soviet Ethnography], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 67, pp. 144–178.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-144-178

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/moskvina.pdf>



Дарья Москвина

От поля к архиву: методика создания и бюрократическая подотчетность этнографических материалов в позднесоветской этнографии

В статье анализируются представления о создании, обработке и хранении полевых материалов советских этнографов из московских учреждений через призму двух аспектов: 1) ведомственной принадлежности советской этнографии к историческим наукам и 2) бюрократической системы Института этнографии АН СССР, требовавшей подотчетности результатов полевой работы. Две устоявшиеся характеристики полевых материалов — как отчетных документов и как исторических источников — сформировались под влиянием концепции архива: с одной стороны, как результата принятого в дисциплине определения этнографического знания, с другой — как инструмента управления и систематизации этого знания. Автор обращается к двум частным примерам из истории центральных этнографических учреждений — методическим рекомендациям по созданию этнографических материалов в поле, закрепленным в методическом пособии по проведению этнографических экспедиций Г.Г. Громова (МГУ, 1966), и к организации в Институте этнографии АН СССР комиссии полевых исследований (1970), которая контролировала проведение экспедиций, в частности организацию хранения полевых материалов. В заключении отмечаются издержки внедрения этого инструмента отчетности, несмотря на явную символическую роль централизованного хранения этнографических материалов.

Ключевые слова: советская этнография, антропологический архив, полевые материалы, история антропологии.

В историографии конец 1920-х — начало 1930-х гг. принято считать временем, когда была определена дисциплинарная судьба этнографии как науки. В эти годы в результате ряда совещаний произошла «историзация» этнографии и определение ее предметной области [Slezkine 1991; Соловей 2001; Алымов, Арзютов 2014]. И если предметная область неоднократно становилась объектом дискуссии на протяжении советского периода (например, в связи с изучением современности), то определение этнографии в дисциплинарное поле истории под вопрос не ставилось. Этот дисциплинарный консенсус отражался в университетской и академической системе: кафедры этнографии были организованы на исторических факультетах МГУ и ЛГУ, Институт этнографии АН СССР (далее — ИЭ) числился в составе Отделения исторических наук АН СССР.

Дарья Алексеевна Москвина

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
damoskvina@icloud.com

Причисление этнографии к истории определило и особый порядок отношения к полевым материалам советских этнографов. В учебнике «Основы этнографии» 1968 г. под редакцией С.А. Токарева этнография определялась как «историческая наука, изучающая народы, их быт и культуру» [Токарев 1968: 5]. Отличительной характеристикой этнографии, выделявшей ее среди других отраслей исторических наук, был способ получения данных, а именно полевые наблюдения. При этом в подразделе введения, посвященном источникам и методике, С.А. Токарев особо подчеркивает, что «не совсем верно» считать, что этим «ограничивается работа этнографа» [Там же: 11]. С его точки зрения, по «личным наблюдениям» можно узнать «лишь некоторые стороны жизни одного народа или нескольких немногих народов»: этнограф должен обращаться и к другим материалам — музейным экспонатам, архивным и опубликованным письменным источникам, литературе (С.А. Токарев называет их «чужими наблюдениями») [Там же].

В статье я рассматриваю, как дисциплинарная принадлежность советской этнографии к историческим наукам и бюрократическая логика научно-организационной работы Института этнографии АН СССР влияли на представления о создании, обработке и хранении полевых материалов советских этнографов. Объектом анализа стал дискурс московских этнографических учреждений — московской части Института этнографии АН СССР и кафедры этнографии исторического факультета МГУ в послевоенный период. В ряде случаев привлекаются материалы, связанные с историей Ленинградской части ИЭ, а также проводятся сравнительные параллели с традициями стран социалистического блока и республик СССР. Я сосредоточусь на двух аспектах: 1) ведомственной принадлежности советской этнографии к историческим наукам; 2) бюрократической системе ИЭ АН СССР, предполагавшей подотчетность результатов полевой работы. И то и другое связано с концепцией архива: с одной стороны, как результата принятого в дисциплине определения этнографического знания, с другой — как инструмента управления и систематизации этого знания. В частности, я обращусь к послевоенному периоду советской этнографии, для которого характерен «архивный поворот» в отношении к полевому этнографическому материалу и его хранению. В этот период, по выражению Д. Арзютова и С. Кана, можно начинать говорить о «поле, ставшем архивом» [Arzyutov, Kan 2017: 60].

В фокусе исследования находится не восприятие этнографами своей полевой работы и полевых материалов, а методические предписания к созданию и обработке полевых материалов и сформулированные институтом нормативные требования к органи-

зации их сдачи и хранения. Речь пойдет о бюрократическом идеале подчинения «вольницы вдохновенных полевиков» [Иванова 2003: 52] порядку отчетности института. Рассмотренные в статье рекомендации (из пособия, подготовленного преподавателем кафедры этнографии МГУ) и попытки регламентации передачи полевых материалов в архив московской и ленинградской частей Института этнографии АН СССР, безусловно, не учитывают всего спектра практик, связанных с созданием и хранением полевых материалов в СССР. Многочисленная литература, посвященная рефлексии о прошлом и настоящем полевом опыте отечественных исследователей, также подтверждает его вариативность (например, Т.Б. Щепанская пишет о роли устной традиции, а не письменных предписаний в трансляции и передаче опыта работы в поле [Щепанская 2010: 12]). При этом нормативные требования создавали контекст для вариативности практик, выходящих за рамки предписанного.

В полевых эпистемологиях различие обычно проводится по линии организации самих экспедиций — их продолжительности, маршрутов, методики работы. Полевые заметки и дневники анализируются как ключевые элементы (само)определения дисциплины и «символы профессиональной идентичности» [Jackson 1990], однако вариативность режимов их существования и функционирования в разных традициях редко оказывается в центре внимания. Я предлагаю рассмотреть эту тему на основе рекомендаций по созданию полевых материалов (на примере методического пособия по проведению экспедиции Г.Г. Громова) и управления полевыми материалами в ИЭ (по материалам комиссии полевых исследований ИЭ). В обоих случаях меня интересует артикулирование концепции архива.

При написании статьи были использованы архивные материалы фонда управленческой документации московской (АРАН. Ф. 142. Оп. 10, 11) и ленинградской (СПбФ АРАН. Ф. 142; АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 5) частей ИЭ АН СССР, а также материалы Отделения исторических наук АН СССР (АРАН. Ф. 457. Оп. 1) за 1940–1970-е гг. Это протоколы и стенограммы заседаний различных структурных подразделений ИЭ, приказы по основной деятельности института, а также приложенные к протоколам заседаний комиссии полевых исследований и приказам дирекции иные документы (например, подготовленные справки и инструкции). Доступные архивные материалы о работе комиссии полевых исследований охватывают период с 1970 по 1978 г. и относятся к московской части ИЭ. В качестве дополнительного источника я опираюсь на воспоминания непосредственных участников рассматриваемых событий и использую интервью с сотрудниками московской части ИЭ АН СССР,

записанные мною в 2021–2024 гг.¹ Мои собеседники имели опыт студенческих экспедиций и/или обучения у Г.Г. Громова методике полевой работы на кафедре этнографии исторического факультета МГУ.

Исследовательский контекст

В англо-американской традиции полевые материалы антропологов стали предметом анализа после критического переосмысления этнографического письма в связи с публикацией сборника “Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography” под редакцией Джеймса Клиффорда и Джорджа Маркуса [Clifford, Marcus 1986]. Отправной точкой последовавшей за этим дискуссии можно считать вышедшую четыре года спустя книгу “Fieldnotes: The Makings of Anthropology” [Sanjek 1990a]. В предисловии Роджер Саньек пересказывает свой разговор с Джеймсом Клиффордом, в котором тот заметил, что, несмотря на заявленное отношение к практике этнографа как к тексту (*writing*) и к ее результату как культурному, а не объективному факту (в русле господствовавшего тогда постмодернизма), «во всех недавних дискуссиях о написании этнографических текстов и об этнографии как особом способе письма никто не обращался к тому, что антропологи пишут до того, как они создают свои этнографические тексты, — к полевым заметкам» [Sanjek 1990b: XI].

С тех пор получило развитие несколько тематических направлений в рамках дискуссии о полевых материалах антропологов. В частности, проблематизируется соотношение частного и публичного в вопросе доступа к полевым заметкам. Скандинавские антропологи предлагают поразмышлять о пользе «классической» для антропологии традиции, когда «конкретные полевые заметки невидимы для читателя»: «[М]огут ли антропологи обеспечить надлежащую сохранность таких полевых заметок? Что происходит с их полевыми записями после завершения проекта или карьеры?» [Dalsgård et al. 2020: 1–3]. Одновременно с этим отмечается необходимость публичной презентации полевых заметок и демистификации процесса их написания с педагогической целью: «[О]чень важно смотреть не на опубликованные и отшлифованные, а на реально работающие, “незавершенные” заметки и знать, как такие заметки составляются, переписываются и встраиваются в готовые тексты» [Emerson et al. 2011: XVIII]. Тенденция делать доступными полевые заметки получила продолжение в недавнем сборнике “Naked Fieldnotes”

¹ Помимо этого, интервью проводились с сотрудниками бывшей Ленинградской части Института этнографии АН СССР (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН), а также с сотрудниками кафедры этнологии МГУ и кафедры этнографии СПбГУ. В общей сложности записано 15 интервью.

[Elliott, Wolf-Meyer 2023b], в котором, в соответствии с названием, проблематизируется ощущение обнаженности, испытанное авторами, отправившими свои материалы для публикации. Тем не менее авторы сборника также склоняются к «историчности» в понимании полевых заметок антропологов: «[Заметки] имплицитно предназначены для исторической записи, которая теоретически может быть прочитана человеком, не знакомым с транскрибируемыми событиями» [Elliott, Wolf-Meyer 2023a: XVII].

Специальное внимание уделяется взаимоотношениям антропологов с архивами, как в целом, так и в контексте этических вопросов архивирования полевых материалов [Leopold 2008; Zeitlyn 2012]. С одной стороны, полевые материалы рассматриваются как критерий для противопоставления одной дисциплины другой («в отличие от историков, антропологи создают собственные документы» [Sanjek 1990b: XII]). С другой стороны, Сайдел Сильверман задается вопросом о том, на чем будут основываться историки антропологии в 2050 г. (автор писала эти строки в 1990-е), отмечая, что любой историк сочтет потенциально более ценным источником не опубликованные и отредактированные статьи и книги, а неопубликованные заметки, переписку и пр. [Silverman 1995: 1]. Ее текст открывает сборник, посвященный проблеме сохранения антропологических записей, а сама Сильверман подытоживает: «[В]се антропологи несут ответственность перед будущим этой дисциплины за то, чтобы как можно больше записей было сохранено, надлежащим образом архивировано и в конечном итоге стало доступно будущим поколениям» [Ibid.: 2]. В заключительной главе книги о политической истории британской антропологии Дэвид Миллс размышляет о своем опыте взаимодействия с архивом Королевского антропологического института, в частности отмечая поразившее его «целенаправленное создание истории», которое, по его мнению, «ставит перед современной социальной антропологией провокационные вопросы» [Mills 2008: 184]. Восхищаясь тем, как хранятся исторические материалы в этом архиве, он задумался о том, что это значит для антропологии как науки:

[С] одной стороны, для дисциплины отрадно осознавать, что производство этнографии — это также производство истории <...> по этой логике каждая этнографическая полевая заметка, каждый личный дневник потенциально являются историческими документами. Однако это ставит под сомнение важное для антропологов чувство приватности их сферы исследования [Mills 2008: 184].

Эту мысль уже высказывал антрополог Джордж Маркус в статье о настоящем и будущем этнографических архивов, отмечая

склонность антропологов активно заводить личные архивы, что объясняется «профессиональной нормой», связанной с привычкой ведения полевых дневников и записей. Однако, как отмечает Маркус, «такие архивы остаются исключительно личными, если только не передаются на хранение в публичную библиотеку или музей по окончании карьеры или жизни» [Marcus 1998: 53]. Это ставит вопрос о возможности строгого разделения профессионального и личного архивов антропологов. В частности, в определении категории для полевых заметок, которые, с одной стороны, создаются «для чтения единственным читателем» (не для публикации) и, таким образом, могут считаться личными документами, а с другой — в случае хранения их в архиве организации или института могут использоваться потенциальными читателями непредсказуемым образом [da Cunha 2006: 8].

В российской антропологии вопросы доступа к полевым материалам и их архивам, а также их принадлежности, стали активно дискутироваться лишь спустя четверть века после распада СССР, когда утвердились формы, альтернативные плановому распределению средств на экспедиционные работы и изменились условия финансирования экспедиций, а следовательно и режима хранения материалов. Проблемы, поднятые сборником “Fieldnotes: The Makings of Anthropology”, были подхвачены в дискуссии «От поля к тексту», организованной журналом «Антропологический форум» [Форум 2018]. Участники обсуждения говорили о доступе других исследователей к своим полевым материалам, допустимой степени их редакции, практике опоры на полевые материалы в публикациях. За некоторое время до этого появились статьи, посвященные архивации полевых материалов, прежде всего в связи с распространением практики ведения и хранения полевых записей в цифровом формате [Никишенков и др. 2013; Ушаков 2014; 2015] и с вопросом открытого хранения качественных данных [Касаткина 2015; 2016]. Эти высказывания выстроены в диалоге с международной антропологической традицией; специфика отечественной традиции создания и использования полевых материалов представлена в исторических исследованиях [Кадук, Кадук 2021; Ковальский, Басов 2024] и публикациях оригинальных текстов полевых материалов прошлых лет [Михайлова 2015; Соколова 2016].

Дискуссии о полевых материалах в советской этнографии

Отличительной чертой советской этнографии (и, шире, антропологических традиций стран социалистического блока) было централизованное создание этнографических архивов и пере-

дача полевых материалов в государственные научные учреждения для хранения. Описывая опыт румынских антропологов прошлого столетия, Отилия Хедесан отмечает, что престиж в этой науке строился во многом не на публикациях и индивидуальных исследованиях, созданных по полевым наблюдениям, а на размещении их результатов в архиве: «[Д]ействительно правильным и предпочтительным способом действий был сбор материалов и помещение их в архивы, для того чтобы заполнить определенную “ячейку” в великом единстве культурно-фольклорной реальности» [Hedeşan 2008: 37]. В Латвийской ССР «дневники полевых работ входили в комплект материалов, собранных во время экспедиции, которые необходимо было сдать в институт по ее окончании» [Karlson, Boldāne-Zeļenkova 2021: 82]. При этом авторы предполагают, что не все участники экспедиций сдавали свои дневники или не все дневники принимались на хранение в Фонд этнографических материалов Института истории Латвии, поскольку число сданных дневников непропорционально мало в сравнении с числом экспедиций и их участников. Авторы объясняют это цензурой и самоцензурой в годы советской власти.

Одним из дискуссионных вопросов в советскую эпоху было определение статуса полевого этнографического материала как особого типа исторических источников, обсуждение его достоверности и области использования. В статье, посвященной полевой работе и опубликованной в журнале «Советская этнография», утверждалось, что «полевые этнографические записи — это ценнейшие документы истории советской эпохи, достоверность которых обеспечивается правильной, квалифицированной организацией полевых работ» [Жданко и др. 1956: 32–33]. Акцент на достоверности здесь не случаен, поскольку далее авторы отмечают «непонятное сомнение» «некоторых историков» в отношении материалов, собранных этнографами во время экспедиций. По словам авторов, историки «слепо отда[ют] предпочтение архивным источникам лишь потому, что они привычным путем “извлекаются из архивов”» [Там же: 33]. Схожую мысль высказывала одна из авторов этой статьи, Л.Н. Терентьева, на заседании археолого-этнографической сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной итогам и перспективам экспедиционных работ 1958 г.: «[У] отдельных историков есть еще определенная недооценка и даже пренебрежение к тем источникам, которыми пользуются этнографы, т.е. к непосредственным наблюдениям и первичной фиксации тех или иных явлений» [АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 210. Л. 10]. Недооценку историками этнографических материалов упоминал в своей статье «Этнографические и антропологические материалы как исторический источник»

М.Г. Левин, в частности останавливаясь на возможностях использования этих материалов при написании истории бесписьменных народов. Этнографические материалы, по его словам, помогают восполнить существующие пробелы в письменных источниках, в том числе в отношении народов, «прошлое которых зафиксировано в многочисленных письменных памятниках», поскольку в последних недостаточно полно отражена «повседневная жизнь трудящихся масс» [Левин 1961: 25].

Новый виток дискуссии об использовании этнографических материалов наблюдается в 1970-е гг. В это время речь идет не столько о достоверности и важности этнографических материалов для историков, сколько о специфике и возможностях источниковедческой критики этих материалов и повышении «информационной способности материала» путем формализации приемов сбора, обработки и хранения [Кузеев 1976: 41, 45]. В статье Х.П. Стродса, вышедшей в сборнике «Источниковедение отечественной истории», также поднимаются вопросы источниковедческой критики полевых этнографических источников и указывается на необходимость учитывать «социальн[ую] и политическ[ую] позици[ю] информатора и собирателя этнографических полевых источников» [Стродс 1977: 45]. Статья во многом направлена на разъяснение потенциала этнографических материалов как источника для историков. Так, автор пишет, что «исходными данными для исторического исследования является все то, что сохранилось от изучаемого объекта (эпохи, события и т.п.), будь то материальные предметы или письменные источники» и обращает внимание читателей, что «многие из таких непосредственных “остатков” изучаемого объекта могут быть получены в ходе полевых этнографических исследований» [Там же: 44]. В вопросе изучения орудий труда Х.П. Стродс и вовсе предлагает историкам «принять участие в полевых этнографических экспедициях», чтобы «наблюдать за неинсценированной работой с использованием данных орудий» [Там же: 49].

Н.В. Лукина посвятила свой доклад на Западно-Сибирском археолого-этнографическом совещании проблеме понятия «этнографический источник», указав на лагуну в работах по этой теме: неразработанность вопроса о том, что именно «является этнографическим источником, полученным методом непосредственного наблюдения» [Лукина 1981: 26]. Она отметила, что если весь перечень наблюдаемых и собираемых этнографами материалов в поле классифицировать согласно устоявшимся на тот момент категориям исторических источников (вещественные, лингвистические, кино-, фото-, фонодокументы, письменные источники), то выяснится, что как такового этнографического источника при этой классификации

не существует, поскольку «материалы, собранные “методом непосредственного наблюдения” и относимые поэтому к этнографическим источникам, сдаются, как правило, в архив и тем самым становятся источником письменным» [Лукина 1981: 26]. С середины 1980-х гг. появляются статьи, посвященные осмыслению понятия «этнографический факт» и его соотношению с категорией «этнографический источник» [Решетов 1987; Пименов 1990].

Советские этнографы отличались от работающих с архивными материалами историков тем, что сами создавали часть своих источников — полевые этнографические материалы, а значит, с точки зрения исторической науки в некотором смысле фальсифицировали их. В этом дисциплинарном контексте необходимой частью учебных пособий было уточнение способа создания этнографических материалов (через непосредственное наблюдение) во время полевой работы и расположение этих материалов по отношению к другим источникам [Токарев 1968: 10–13; Итс 1974: 69–72; Бромлей, Марков 1982: 26–31]. Однако детальное описание принципов создания и хранения этнографических материалов как исторических источников нашло отражение только в пособии Геннадия Герасимовича Громова «Методика этнографических экспедиций», опубликованном в 1966 г.

Полевые этнографические материалы как исторический источник

В каком смысле полевые записи, сделанные этнографом, считались историческим источником? В разделе пособия, посвященном вопросам, изучаемым в экспедициях, Г.Г. Громов отмечает, что, фиксируя уцелевшие в настоящем «пережитки», этнографы получают материал для реконструкции истории первобытного общества [Громов 1966: 7]. Аналогичным образом полевые материалы могут восполнить пробел в исторических источниках, свидетельствующих о рабовладельческой и феодальной эпохах (относящиеся к этим эпохам письменные материалы «как правило, весьма скудно освещают жизнь трудящихся, их культуру и быт» [Там же]). При «анкетных обследованиях» в экспедиции Громов рекомендовал следить за «историчностью» собранного материала, чтобы по нему возможно было не только судить о «статической картине сегодняшнего дня», но и «выявить исторические тенденции развития» [Там же: 17]. Таким образом, этнографические материалы им рассматриваются как исторический источник, поскольку позволяют судить о прошлом из настоящего. Вместе с тем Громов оговаривает ограничения записанных в поле сведений:

[Р]ассказывая о прошлом, информатор передает не только то, что помнит сам, но и то, что он слышал от своих родителей, дедов. Соответственно возрастает и хронологическая глубина получаемых сведений. Конечно, степень точности данных при этом соответственно понижается, многие детали остаются невыясненными, но все же подобные сообщения нередко весьма ценны, так как никаким другим способом получить их уже невозможно [Громов 1966: 29].

В упомянутых выше работах указывалось на отличие материалов, создаваемых в результате полевых наблюдений, от иных исторических источников. Х.П. Стродс, в частности, отмечал, что записи, сделанные со слов информаторов, «относятся к числу источников, намеренно созданных для исследования прошлого» [Стродс 1977: 45]. Он предложил категоризацию этнографических источников на «первичные» и «вторичные», где к первым относятся «подлинные предметы труда и быта эпохи феодализма» (история феодализма была фокусом его статьи), а ко вторым — «записи рассказов информаторов-очевидцев и записи рассказов, которые они слышали от своих родителей» [Там же: 44].

Громов также утверждает, что созданные в поле документы станут объектом интереса будущих историков. Аналогичное осмысление источникового потенциала этнографического материала можно наблюдать и позднее. Так, в 1985 г. М.Н. Шмелева писала, что собираемые в поле материалы «имеют большую ценность и могут служить первоисточником как для синхронного изучения современности, так и для будущих исследований, когда современность станет прошлым» [Шмелева 1985: 44]. В ходе полевой этнографической работы могут быть собраны материалы, которые в наши дни «сохранились как реликты» и которыми можно пополнить источниковую базу о прошлом. Вместе с тем, по словам Шмелевой, полевые материалы — «это прежде всего естественный и богатейший источник для исследования современности» [Там же: 43].

Таким образом, в пособии Громова можно выделить два подхода к этнографическому материалу как историческому источнику: во-первых, как к собранным в экспедициях свидетельствам о далеком прошлом, сохранившимся в виде «пережитков», и, во-вторых, как к сведениям, характеризующим современность и представляющим интерес для будущих историков. Методическое пособие Громова, хотя и стало первым, закрепившим представление об этнографическом материале как историческом источнике, не было единственной такого рода публикацией по организации работы в поле. В более раннем учебном пособии «Полевая этнография» С.А. Макарьева (под редакцией

В.Г. Богораза) также содержатся рекомендации по созданию документов в поле, однако акцент сделан на исследовательской аккуратности и точности. Это пособие опубликовано в 1928 г., еще до совещаний 1929–1932 гг., в ходе которых было закреплено дисциплинарное определение этнографии в исторические науки. Автор писал:

Ведение дневника во время полевой исследовательской работы является непременным условием ее правильного течения. Дневник вообще не должен иметь пропусков — даже каждый пропущенный день должен быть отмечен. Если по какой-либо причине, зависящей или независящей от самого исследователя, записи не производятся, необходимо отметить: «сегодня ничего не записано». Можно даже при этом указать причину отсутствия записей. <...> Важной особенностью дневника является систематичность и точность его записей. <...> Произведя в дневнике записи необходимо их точно датировать, то есть прежде всего указать время записи — число и месяц в верхнем левом углу страницы (год ставится на обложке) [Макарьев 1928: 17].

Говоря об определении места хранения полевых материалов, Макарьев указывает на необходимость их сдачи в организацию, инициировавшую исследование (однако допустимо оставить материалы у исследователя, если он собирается их опубликовать) [Макарьев 1928: 28]. Способ хранения материалов здесь не связан с их принадлежностью к какому-либо типу источников, а скорее соответствует практическому пониманию хранения как заключительного этапа работы. Связь между этнографическим материалом как историческим источником и местом его хранения стала формироваться позже.

Методическое пособие Громова и содержащиеся в нем рекомендации оформления «полевых документов» и их хранения необходимо рассматривать в контексте произошедшего во второй половине 1940-х гг. «архивного поворота» (о чем будет сказано ниже) и укрепления позиций «советской этнографической школы», которая видела себя частью исторической науки [Толстов 1946: 8]. Дипломная работа Громова, защищенная в 1951 г. на кафедре этнографии МГУ, называлась «Хозяйство и общественный быт колхоза имени Кирова Котовского района Горьковской области»¹. На кафедре ее автору было рекомендовано переориентироваться после защиты на более историческую тему². В дипломной работе Громов опирался на полевые материалы, о чем пишет, например, в одной из сносок: «Эти данные

¹ Благодарю А.В. Тутурского за доступ к рукописи дипломной работы Г.Г. Громова.

² Устное сообщение А.В. Тутурского.

приведены из полевых записей автора. Ниже для данных из полевых записей сносок нет, т.к. почти вся глава основана на полевых материалах. Для данных из других источников везде есть сноски» [Громов 1951: 49]. Анализируя вопрос текстуализации полевых материалов участников Северной экспедиции кафедры этнологии МГУ, А.В. Титорский обратился к опубликованным работам М.В. Витова и Г.Г. Громова (к тому времени уже преподавателя) и отметил, что «ссылки на полевые материалы даются в них с большой осторожностью» [Титорский 2010: 291]. Он приходит к выводу, что Витов и Громов разделяли «научный этикет» своего времени, согласно которому «ссылаться на полевые этнографические материалы было “не-солидно”» [Там же: 292], ими скорее дополняли другие исторические источники. Ссылаясь на свою беседу с С.П. Поляковым, Титорский замечает, что крупнейшие экспедиции кафедры были археологическими и этнографическими одновременно: «Никогда наша экспедиция не была “лалык-лалым”, то есть одни разговоры...» [Там же].

Пособие по методике этнографических экспедиций составлено Громовым на основе спецкурса, который он читал для студентов кафедры этнографии исторического факультета МГУ с 1954 г. Можно предположить, что, приступая к преподаванию полевой методики, Громов учитывал необходимость включения полевых материалов в число других исторических источников, а также требуемую степень исторического уклона в тематике этнографических исследований. Так, перечисляя в пособии основные направления этнографических исследований, об изучении современности он пишет в последнюю очередь, замечая, что в среде советских этнографов пока нет определенности в понимании задач и методики ее изучения.

Согласно пособию, экспедиция — это лишь часть исследовательской работы этнографа, которая включает кроме того изучение письменных, архивных, музейных и других источников, от анализа которых во многом зависит «успех полевой работы» [Громов 1966: 9]. «Полевые документы» определяются как «исторические документы», которые ценны уже в момент своего создания, а в будущем приобретут еще большую историческую ценность. В разделе, посвященном правилам ведения и хранения полевых документов, Громов перечисляет основные из них: полевые тетради, экспедиционные дневники, анкеты, графические материалы, фотоматериалы и киноплёнки [Там же: 35]. Он подробно описывает, как должен быть организован каждый тип полевых документов с учетом будущего использования. Например, рекомендации для записи беседы в полевую тетрадь таковы:

Записывать нужно по возможности четко, ясно. Если это не удастся во время беседы, то сразу же после нее записи должны быть перечитаны, поправлены, все сокращения расшифрованы, незаконченные фразы дописаны и т.д. Уже в поле запись должна быть приведена в такой вид, чтобы впоследствии не могло возникнуть разночтений и неясностей у тех, кто будет этими записями пользоваться [Громов 1966: 36].

Здесь подчеркивается роль полевых материалов как объекта будущего интереса, и далее в пособии эта мысль усиливается и повторяется уже в связи с вопросом достоверности и «документальности» собранных сведений. Так, Громов указывает, что исправлять и дополнять полевые записи следует только автору (и только во время экспедиции):

Всякие добавления и приписки, сделанные другими лицами или после окончания полевой работы — грубейшее нарушение правил ведения полевых документов, которое резко снижает, а то и совсем обесценивает документальность полевых записей [Громов 1966: 36].

Громов предлагает разделять полевые документы на полевые тетради и экспедиционные дневники, — именно это правило чаще всего вспоминали в интервью его бывшие студенты и участники его экспедиций. В отличие от полевой тетради, в которую записывают полевые наблюдения и содержание бесед с информантами, экспедиционные дневники

ведутся как и обычные дневники. Страницы дневника также должны быть пронумерованы. Перед каждой записью указывается дата и место записи. Записи нужно стремиться делать ясным, разборчивым почерком. Экспедиционный дневник — научный документ и следует избегать вносить в него записи личного, интимного свойства: потом не всегда легко их выделить из записей научного характера, может даже возникнуть необходимость специально переписывать дневник [Громов 1966: 36].

Как работали эти правила на практике? Воспоминаниями о занятиях Громова поделилась Б., студентка кафедры этнографии в 1970–1975 гг., а с 1980-х — сотрудница ИЭ: «Да, я запомнила, что надо отдельно вести дневник полевой и отдельно полевую тетрадь. Это нужно различать, потому что полевая тетрадь — это то, что они говорят, информанты, люди, а полевой дневник — это то, что ты сам при этом чувствуешь, как ты видишь. Это разница» [ПИМА 1 2021]. К. и С., выезжавшие в студенческие экспедиции под руководством Громова в 1970-е (позже — сотрудницы московской части ИЭ), вспоминают: «Геннадий Герасимович иногда так шел за нами, присаживался рядышком

и слушал, правильно ли мы спрашиваем. И потом проверял дневники и полевые записи» [ПМА 1 2022]. Они связывают это с серьезным подходом к преподаванию и к исследовательской практике студентов. Мы также поговорили о жанровой категоризации полевых записей:

С.: У нас было две тетради: полевой дневник и дневник. В полевой дневник мы записывали сообщения наших информантов, ну естественно, по полной программе <...> о личных данных никто не беспокоился, никто как бы не боялся, что мы записываем. А в дневник мы записывали все остальное. [Громов] запрещал нам в полевой дневник записывать то, что мы где-то слышали, увидели. Поэтому там были информанты, а в дневнике... Он говорил так: вы приехали в село, вы должны написать, сколько там населения, какое водоснабжение (по какому принципу: колодцы, водопровод, родники, еще что-то), магазины, всякая инфраструктура, и личные впечатления, допустим.

Исследователь: Это можно в дневник написать?

С.: Это можно было писать только в дневник, потому что это как бы наши субъективные данные, а там были данные...

К.: А там полевая тетрадь [ПМА 1 2022].

Такое разделение полевых записей обозначила и П., которая поступила на работу в ИЭ в 1975 г. после окончания кафедры этнографии исторического факультета МГУ: «[У] нас было два дневника, каждый вечер мы смотрели два дневника: твои полевые записи, твои впечатления. Геннадий Герасимович читал, говорил: “Вот здесь мало у вас впечатлений, можно было бы побольше”. Это все неукоснительно соблюдалось» [ПМА 1 2023]¹.

Само по себе разделение создаваемых в поле материалов на два типа сведений (записанных по субъективным впечатлениям исследователя и зафиксированных со слов информанта) не связано с дисциплинарной принадлежностью этнографии к истории. В этом отношении методическое пособие Громова сближается с пособием Макарьева, где проводится аналогичное различие «реальных записей» и «записей дневниковых». Однако указание, что собираемые в экспедициях «полевые документы» являются историческими, объясняет установленные правила их ведения:

¹ Интересен вопрос соотношения усвоенных от Громова правил с рабочей повседневностью профессионалов. В интервью Б. делилась своими впечатлениями уже во время работы в ИЭ, говоря о предложенном Громовым разделении на две тетради: «Потом я заметила, уже работая в институте, что многие этой разницы не очень видят, потому что они вместе публикуют и материалы и... ну называется это полевой дневник, но там фактически просто изложение материалов и немножко своих впечатлений. Но я как-то привыкла отдельно это вести, и полевой дневник, и материалы» [ПМА 1 2021].

Записи бесед с информаторами, анкеты, описания различных явлений, рисунки, чертежи, выкройки, планы — все это исторические документы, ценность которых со временем возрастает все более. Историк полевые документы говорят не меньше, чем «дела» архивов. Поэтому правильное оформление и составление полевых документов имеют первостепенное значение [Громов 1966: 35].

Отмечу появление здесь фигуры историка, представленного как будущий читатель, для которого одинаково ценны «дела» архивов» и полевые документы. Громов посвящает отдельный подраздел пособия «правилам обработки экспедиционных материалов для сдачи на хранение», вновь подчеркивая статус полевых материалов как исторических источников:

Материалы, собранные во время экспедиционной работы, — одни из видов исторических источников. Как и всякие другие источники, полевые материалы подлежат длительному хранению. Поэтому их подвергают особой обработке с тем, чтобы ими было удобно пользоваться, чтобы они содержали все необходимые данные, подтверждающие их достоверность, и т.д. К сожалению, у этнографов до сих пор нет единых правил оформления полевой документации и составления отчетов экспедиций о проведенной работе [Громов 1966: 103–104].

К процессу обработки документов перед сдачей на хранение относится, например, переписывание «черновых полевых материалов» и создание «белового» варианта. Черновые полевые материалы не уничтожаются, а подлежат хранению наравне с «беловиками», но для пользования выдаются только последние. Черновики же «служат документально достоверным подтверждением подлинности собранных сведений» [Громов 1966: 104].

Обсуждение в интервью опыта экспедиций Громова и усвоенных во время них правил оформления полевых документов соседствовало с рефлексией информантов о следующем этапе — начале работы (или обучения в аспирантуре) в московской части ИЭ и встрече с требованиями академического института: «В те времена было все-таки более серьезное отношение, потому что мы же раньше все материалы сдавали в архив. То есть мы ездили, и пока мы не сдадим материалы в архив, нам не давали разрешение на другую экспедицию» [ПМА 1 2022]. Таким образом, если для Громова и его учеников необходимость длительного хранения полевых материалов объяснялась их статусом исторических источников, то в ИЭ передача материалов в архив стала условием выезда в следующее «поле», и в результате сам архив оказался инструментом управления полевой работой.

Полевые этнографические материалы как отчетный документ

Д. Арзютов и С. Кан описывают изменения, произошедшие с раннесоветской концепцией поля в послевоенное время, подчеркивая бюрократизацию дисциплины, проявившуюся, в частности, в распространении типографских полевых дневников Академии наук СССР «с линованными страницами и шаблоном для анкеты исследователя на титульном листе» [Arzyutov, Kan 2017: 60]. Главная же трансформация касалась организации хранения полевых материалов. Как отмечают исследователи, «в 1920–1930-е годы дневниковые записи принадлежали в основном этнографам, которые хранили их в своих личных архивах» [Там же]. Это изменилось в середине 1940-х гг., когда были созданы архивы московской и ленинградской частей ИЭ.

В описи фонда полевых материалов в Научном архиве Музея антропологии и этнографии РАН (МАЭ РАН — бывшей Ленинградской части ИЭ) от 2006 г. заведовшая им на тот момент И.В. Жуковская приводит краткую историческую справку о формировании фонда. Она отмечает, что «до Великой Отечественной Войны научные и полевые материалы хранились в кабинете Ученого секретаря, научных отделах, в архиве издательства Института Этнографии» [АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Жуковская. Б. паг. (Л. 2)], а формирование и систематизация фонда полевых материалов (и других фондов архива МАЭ) начались в конце 1940-х. Эта деятельность была связана с демобилизацией И.Я. Треногова, долгие годы руководившего отделом учета и хранения Ленинградской части ИЭ. Датой основания архива МАЭ считается 1946 г., в первые годы работы архив входил «в состав отдела учета и хранения, которым тогда руководил И.Я. Треногов» [Чистов и др. 2009: 375]. Организация хранения экспедиционных материалов в Москве происходила примерно в то же время: «[О]снову архивного фонда института составили экспедиционные материалы Хорезмской экспедиции: как на бумажном носителе (полевые дневники, графические материалы, отчеты), так и фото и аэрофотосъемка местности, где проводились раскопки»¹.

Произошедшие в середине 1940-х перемены ярко иллюстрирует фрагмент выступления С.П. Толстова на производственном совещании сотрудников ИЭ в ноябре 1948 г. В ответ на вопрос этнографа-сибироведа из Ленинградской части ИЭ А.А. Попова,

¹ Благодарю за информацию об организации работы научного архива ИЭА РАН (бывший архив московской части Института этнографии АН СССР) его заведующую В.В. Сливкову (личное письмо от 4 марта 2025 г.).

будет ли продолжена традиция публикации полевых материалов, Толстов говорит:

Этнографические материалы должны публиковаться по тому же принципу, что и архивные материалы, т.е. с датировками и комментариями. Все публиковать невозможно, да и не следует. Остальное должно поступать в Архив и храниться в Институте, чтобы каждый мог ими пользоваться. Так же как это делается в археологических институтах. Держать материалы на квартире не следует. Хозяин материала не автор, а государство [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 17. Л. 8].

Эта цитата дает значимую характеристику бюрократического идеала учета и хранения этнографических материалов, которая была актуальна начиная с середины 1940-х гг.: местом их хранения должен быть не личный, а институтский архив, поскольку эти материалы принадлежат не автору, а государству. Толстов проводит важную контекстуальную параллель с близкой к этнографии полевой наукой — археологией и отсылает к введенным там правилам сдачи материалов экспедиций. Эти правила были зафиксированы в специализированных инструкциях Института истории материальной культуры, выдававшихся при предоставлении «открытого листа» на проведение археологических исследований. Раздел инструкции «Отчетность по полевым исследованиям» включал пункт о сдаче научного отчета в течение шести месяцев после возвращения из поля (и не менее чем за месяц до следующего отъезда), а сам отчет должен был содержать сведения о передаче на хранение полученных материалов.

Архивные источники позволяют заключить, что подобного формально закрепленного правила обязательной передачи полевых материалов после экспедиции в архив института как условия следующего выезда в то время в советской этнографии не существовало. Например, судя по докладу заместителя директора ИЭ М.Г. Левина на заседании дирекции в Москве в 1954 г., посвященному упорядочению архива, последний сталкивался как с материальными трудностями (отсутствие подходящего помещения и необходимого оборудования), так и с организационными (заведующий архивом — нештатный сотрудник). Вместе с тем предложенные меры касались в основном не организации работы архива, а новых правил относительно полевых материалов сотрудников. Требовалось, например, «проверить состояние полевых материалов экспедиций, обеспечить их сдачу в научный архив, предусмотрев в планкартах сотрудников время для приведения в порядок всех рукописных и иллюстративных материалов» и «предупредить, что в дальнейшем не будет допускаться участие в экспедиции в случае задержки сдачи в научный архив полевых материалов прошлых лет» [АМАЭ РАН. Ф. К-1.

Оп. 5. Д. 27. Л. 30–31]. Кроме того, предлагалось «образовать комиссию по приемке полевых материалов экспедиций» (во главе с Г.Г. Стратановичем). По всей видимости, это первый пример закрепления (в виде постановления дирекции) связи между сдачей материалов и выездом в следующую экспедицию (по аналогии с «открытым листом» у археологов). Специальная комиссия для заведования такими делами — это, вероятно, прообраз созданной в 1970 г. комиссии полевых исследований, речь о которой пойдет ниже. До образования комиссии передача материалов в архив регулировалась, по всей видимости, постановлениями дирекции. Например, в 1961 г. на заседании сектора ИЭ по изучению социалистического строительства у малых народов Севера во время обсуждения плана экспедиционных работ председатель сектора Б.О. Долгих упоминает, что «перед поездкой необходимо сдать обработанные полевые материалы прошлого года в архив — это новое постановление дирекции» [АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 61. Л. 71]¹.

Советский этнограф-сибиревед З.П. Соколова пишет, что в годы ее работы «в Институте этнографии АН СССР существовал (с 1970-х по 1990-е гг.) строгий порядок регистрации всех полевых материалов в архиве института, были разработаны специальные бланки для переписывания дневниковых и иных записей, сделанных в поле и нередко мало понятных (из-за сокращений, почерка и т.п.)» [Соколова 2017: 83]. В это время в ИЭ происходит документальное закрепление всего цикла действий, касавшихся экспедиционной работы, в связи с созданием комиссии полевых исследований (далее — КПИ). Именно эта комиссия, как можно судить по архивным документам, была одним из источников «строгого порядка», который упоминает Соколова, а сама она выдвинута дирекцией на должность председателя этой комиссии. Речь о создании комиссии шла на заседании дирекции ИЭ 15 января 1970 г.:

Об экспедициях. Издавать сборник на ротапринте о результатах экспедиции тиражом 100 экз.

Чтобы был человек, который отвечал бы за экспедиции по Институту.

Он же должен отвечать и за этот сборник.

Его функции: контроль за отчетностью и результативностью, особенно за научные отчеты. Рекомендовать на эту должность З.П. Соколову.

При ней должен быть ученый секретарь. Кандидатура тов. Садокова Р.Л.

[АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 1013. Л. 1]

¹ Благодарю А.С. Басова, который поделился со мной этим архивным фрагментом.

Прагматическая линия в работе КПИ заключалась в том, что архив института мыслился как инструмент не столько дисциплинарного определения, сколько управления и контроля за отчетностью полевой работы. Задачу комиссии лаконично сформулировала в своих воспоминаниях Ю.В. Иванова, которая стала председателем КПИ в 1970–1980-х, сменив З.П. Соколову. Перечислив условия для отправлявшихся в поле сотрудников (сдача научного и финансового отчета за предыдущий выезд, передача собранных в предыдущий полевой сезон материалов в архив), невыполнение которых могло лишить возможности поехать в очередную экспедицию, она заметила, что «только такими жесткими правилами можно было справиться с веселой вольницей наших вдохновенных “полевиков”!» [Иванова 2003: 52]. В своих воспоминаниях она связывает создание специального органа по централизации полевой экспедиционной работы с общими переменами, произошедшими в ИЭ после назначения в 1966 г. на пост директора Ю.В. Бромлея: в это время «стала ощутимой потребность в <...> централизации» полевой работы и «была создана специальная полевая комиссия во главе с Зоей Петровной Соколовой» [Там же: 51].

Кроме внутренних причин (стремления к централизации экспедиционной деятельности), создание комиссии определялось общим контекстом управления советской экономикой и хозяйством в позднем СССР, в частности внедрением в это время научной организации труда (НОТ). Историк В.В. Тихонов отмечает, что «проблема эффективной организации труда научных работников особенно стала привлекать внимание в СССР со второй половины 1960-х гг.», что «вписывалось в проходившие во второй половине 1960 — первой половине 1970-х гг. поиски инструментов повышения производительности труда в условиях плановой экономики и реализовывалось в рамках т.н. “козыгинских реформ”» [Тихонов 2022].

В эти годы в рамках восьмой пятилетки (1966–1970) «впервые был разработан пятилетний план научно-исследовательских работ по НОТ» [Дубровский 1974: 336]. В 1970 г. в ИЭ были образованы две комиссии: в январе — комиссия полевых исследований, в октябре — комиссия по НОТ. Создание первой из них упоминает заместитель директора ИЭ Л.Н. Терентьева в связи с вопросом о НОТ, обсуждавшимся на заседании Ученого совета Ленинградской части ИЭ в январе 1971 г. На вопрос, существует ли в системе АН СССР организация НОТ, она отвечает: «[Н]аблюдаются только первые шаги в организации НОТ. Создана комиссия полевых исследований и усилен контроль за работой и отчетностью экспедиций» [АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 5. Д. 201. Л. 1–2].

В первый состав комиссии полевых исследований кроме З.П. Соколовой (состоявшей также в комиссии по НОТ) вошли Р.Л. Садоков, В.Н. Башилов, В.П. Кобычев, Л.А. Тульцева. Немногом позднее приказом дирекции в комиссию были введены два младших научных сотрудника Е.А. Алексеенко и Г.Л. Хить. Первая работала в Ленинградской части ИЭ и, судя по документам, была заместителем председателя КПИ по Ленинграду. На заседании Ученого совета 24 ноября 1970 г. в Ленинградской части ИЭ в повестке дня значился пункт «О выполнении плана экспедиционных работ 1970 года и о перспективном плане экспедиций на 1971 год». Доклад делала Е.А. Алексеенко, представленная как «зам[еститель] председателя комиссии». Она рассказала об организации комиссии в составе пяти человек, об установлении сроков отчетности по экспедициям, а также о том, что в скором времени из Москвы «будет доставлена <...> определенная форма отчетов. Предлагается сдать материалы в архив до экспедиций» [АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 5. Д. 185. Л. 235]. В апреле 1970 г. приказом директора кроме состава были утверждены полномочия КПИ: «[С]оставление сводных годовых и перспективных планов полевых исследований, контроль за отчетностью о результатах полевых исследований и сдачей полевых материалов в архив, организаци[я] подготовки к публикациям полевых материалов» [АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 1001. Л. 10]. Согласно этим документам, именно КПИ была уполномочена принимать решение о выезде в поле экспедиции или отряда на основании факта сдачи их сотрудниками прошлогодних материалов. Одновременно с созданием комиссии дирекция ИЭ утвердила инструкцию по обработке и сдаче полевых материалов экспедиций и командировок со сбором полевых материалов:

С 1970 г. проведение полевых исследований и научных командировок со сбором полевых материалов осуществляется при условии сдачи в архив соответствующих обработанных материалов прошедшего полевого сезона (не позднее 1 мая текущего года).

Комиссия полевых исследований определяет возможность начала работ каждой экспедиции или отдельного отряда в зависимости от своевременной сдачи обработанных материалов предшествующего сезона.

В состав сдаваемых полевых материалов должны входить:

а) полевые дневники, содержащие только систематическое изложение проводившейся текущей полевой работы, ежедневные записи маршрутов, перечень посещаемых учреждений в районе работ, сведения о местности, населении и об информаторах, перечень работ, проведенных за день по фиксации материальной и духовной культуры, перечень чертежей, планов и т.п.,

записи местных терминов, различные заметки и соображения, возникшие в ходе сбора материалов;

б) общие тетради или карточки, содержащие полевые записи, полученные во время опроса информаторов;

в) общие тетради, содержащие архивные или текущие материалы различных государственных учреждений и организаций, а также таблицы, схемы и т.д.

г) иллюстративный материал (в папках) с точным обозначением (подписи) наименования предмета, места и времени его фиксации и описи с полной легендой материала. Фотоматериалы сдаются Ю.А. Аргиропуло по установленной инструкции.

Все вышеуказанные виды сдаваемых материалов должны быть пронумерованы и доступны для ознакомления.

Настоящая инструкция распространяется на сдачу полевых материалов 1969 г.

[АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 1001. Л. 12]

Отмечу совпадение с методическим пособием Громова в жанровом разделении создаваемых в поле документов на записанные по результатам опроса информантов или работы с архивными и текущими материалами организаций (по инструкции такие записи делаются в общих тетрадях) и на записанные исследователем по собственным впечатлениям и наблюдениям (по инструкции вносимые в полевой дневник)¹. Однако если Громов объяснял правила оформления и хранения полевых материалов их принадлежностью к историческим источникам, то в ИЭ правила формулировались исходя из отнесения экспедиционной работы к тем элементам научной жизни сотрудников, которые подлежали планированию и отчетности. Документы КПИ требуют вносить работу с полевыми материалами в индивидуальные планкарты сотрудников, учитывать время, затраченное на эту работу, и поощрять сотрудников не только за публикации, но и за обработку материалов.

Эта прагматика видна в документах, которые КПИ готовила для разных целей, например в обращении в первичную партийную организацию зимой 1977 г. (сдано Ж.Б. Логашевой, которая в то время занимала должность секретаря парторганизации ИЭ).

¹ Словосочетание «общие тетради» означало тетради с большим количеством листов, а не характеризовало режим использования тетради коллективом экспедиции сообща. Например, в одном из пунктов инструкции предписывалось использование «общих тетрадей или карточек», т.е. речь шла именно о носителе информации. «Полевой дневник» в первом пункте инструкции указывает на тип сведений («содержащие только систематическое изложение проводившейся текущей полевой работы»), а в некоторых случаях и на отличный от общей тетради материальный носитель — типовой полевой дневник, напечатанный типографским способом и созданный для экспедиций АН СССР (по размеру близкий к формату А6).

В обращении выражалось беспокойство организацией «всего комплекса дел, связанных с полевыми выездами» [АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 904. Л. 4]. Председатель комиссии Ю.В. Иванова обозначила три проблемы, касавшиеся системы планирования связанной с экспедициями деятельности, статуса экспедиционных выездов в сравнении с другой научной деятельностью в ИЭ и использования программ в ходе экспедиций. Структура индивидуальных планкарт не предусматривала учет времени, которое научный сотрудник посвящал подготовке к выезду в поле и мероприятиям после него: время предусмотрено «только на непосредственное пребывание в экспедиции»; «в планах отражается в основном подготовка печатных работ, обработка полевых материалов оказывается делом непланируемым, не учитываемым, неподотчетным, а следовательно и не очень нужным» [Там же]. Такой организацией работы и объясняется, почему КПИ не выполнила поставленную перед ней задачу по созданию институтского экспедиционного архива:

Именно поэтому образуется большая задолженность перед Научным архивом Института у некоторых исследователей (регистрируется «сырой», только что привезенный материал, — дневники, тетради и т.п., — оформление же на карточках или другим способом затягивается надолго). На это у многих сотрудников просто не хватает времени, а у других — из-за того, что лицо научного сотрудника характеризуют прежде всего «печатные листы», — желания [АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 904. Л. 4].

Как явствует из этого документа, вся работа, связанная с экспедициями (кроме самих экспедиций), ускользает из бюрократической логики функционирования научно-организационного порядка ИЭ, на что Иванова обращает внимание парторганизации: без включения этой деятельности в планово-отчетный ритм ее результат оказывается под вопросом. По мнению КПИ, в институте сложилась своеобразная иерархия типов научных работ, согласно которой приоритетной оказывается деятельность, отраженная в плане и, следовательно, в отчете. При этом оказывается учтен не весь спектр работ, связанных с полевыми поездками — формально эта работа является дополнительной (не включенной в план и отчет), увеличивая нагрузку сотрудника без дополнительной оплаты. Иванова предлагает расширить документальное понимание экспедиционного цикла и обеспечить его бюрократическую видимость, в частности обратить внимание на работу, связанную с организацией экспедиционного отряда, и учитывать «качество и своевременность оформления документов, правильн[ую] эксплуатац[ию] экспедиционного оборудования, качественность привезенных материалов — тетрадней, рисунков, чертежей, фото-

кино- фоно- материалов» [АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 904. Л. 5]. Все эти виды работ предлагалось вносить в план-карты сотрудников, чтобы они «подлежали проверке и подписи заведующего сектором, как и всякая другая научная и научно-организационная работа» [Там же].

Вместе с тем архивные материалы позволяют сделать вывод о том, что проблемой для КПИ становилась не только несвоевременная передача сотрудниками полевых материалов, но и дезорганизация работы самого архива как отдела московской части ИЭ. Так, в докладной записке в дирекцию института в декабре 1977 г. Иванова отмечала, что сотрудники не находят в архиве материалов собственных выездов прошлых лет, а также что из-за недостатка места в архиве не удастся передать на хранение часть подготовленных к сдаче материалов. Беспорядок в хранении полевых материалов в архиве делал всю работу бессмысленной: «[У]силия [комиссии] навести порядок в системе регистрации и хранения полевых материалов остаются безрезультатными. Сотрудники по-прежнему предпочитают хранить свои материалы дома или в комнатах секторов» [АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 904. Л. 6]. Это совпадает с воспоминаниями моих информантов о работе архива в это время и распространенной практике, когда материалы «регистрировали и брали домой» [ПМА 1 2022].

Доступные в архиве РАН материалы КПИ датируются концом 1970-х гг., более поздние, судя по описям, в архиве не отложились. Дальнейшую работу по «наведению порядка» и контроля над созданием архива экспедиционных материалов в советский период по ним уже не реконструировать. По воспоминаниям Ивановой, после ее ухода с должности председателя КПИ поддерживаемый ею порядок изменился: «Сменившее меня руководство комиссии не намерено было тратить столько же энергии. Составленная мной картотека полевых отрядов более не действовала. Комиссия исключила из круга своих дел ленинградскую часть, аспирантов и стажеров» [Иванова 2003: 52].

* * *

Как было показано, дисциплинарная принадлежность советской этнографии к историческим наукам и бюрократическая логика научно-организационной работы ИЭ АН СССР повлияли на представления о создании, обработке и хранении полевых материалов в московских этнографических учреждениях в послевоенное время. Содержащиеся в методических предписаниях к созданию «полевых документов» призывы к аккуратности, отсутствию разночтений и неточностей можно отнести к общенаучным представлениям о документальности и достоверности.

Влияние ведомственной принадлежности советской этнографии к истории проявляется в тех фрагментах пособия Громова, где автор объясняет необходимость соблюдения правил создания и обработки материалов: проводит сравнение «полевых документов» с «делами» архивов» и вводит в повествование фигуру историка, для которого корректно оформленные и обработанные материалы — ценный исторический источник. Эти слова Громова — ответ на высказывания того времени о «непонятном сомнении» историков по отношению к материалам, которые не «извлекаются из архивов», а создаются в поле [Жданко и др. 1956: 33].

Позиционирование полевых этнографических материалов как исторических источников, сформулированное Грозовым, повторялось и позже, в том числе самим автором в неопубликованной работе «Источниковедение» (1986). В ней Громов рассматривает этнографические материалы в контексте других исторических источников и предлагает их источниковедческую критику [Мартынова 2024: 117]. В 1980-е на кафедре этнографии ЛГУ В.А. Козьминным было подготовлено учебное пособие «Полевая этнография», в котором подробно описан процесс обработки полевых материалов. В результате такой обработки исследователь «в конечном итоге созда[ет] этнографический источник» [Козьмин 2008: 155]. «Банк — это прежде всего порядок. Архив и музей — это прежде всего порядок» — такой эпиграф сопровождает методическое пособие, написанное для кафедры этнографии СПбГУ сотрудником МАЭ РАН Н.В. Ушаковым [Ушаков 1998: 2]¹. В тексте встречаются уже знакомые по пособию Громова указания: «Полевые дневники даже в процессе их заполнения в поле являются уже полевыми (впоследствии архивными) документами, которые принадлежат уже не Вам, а науке» [Там же: 5].

Транслируемый комиссией полевых исследований ИЭ АН СССР «бюрократический идеал» заключался в том, чтобы сделать обработку полевых материалов подотчетным и планируемым элементом жизни научного сотрудника ИЭ, а сдачу полевых материалов в архив — условием для допуска в следующую экспедицию. Как можно объяснить несовершенство работы этого инструмента в позднесоветское время? Обязательность регистрации полевых материалов в архиве института не исключала их последующего хранения в домашнем архиве исследователя (стремившегося таким образом обеспечить их сохранность). Это соответствовало логике документально закрепленных правил:

¹ Благодарю И.И. Верняева за возможность ознакомиться с методическими материалами, подготовленными Ушаковым.

после первичной регистрации в архиве материалы можно было забрать, чтобы подготовить к длительному хранению, с обязательством сдать их перед следующей экспедицией. Заключительный элемент бюрократического цикла экспедиции — научный отчет — требовал только факта регистрации и описи собранных материалов. По всей вероятности, этот временной зазор между регистрацией и сдачей, а также отмеченный выше беспорядок в архивном хранении создавали законную возможность для того, чтобы держать материалы дома («сотрудники по-прежнему предпочитают хранить свои материалы дома или в комнатах секторов»)¹.

Как пишет И.В. Жуковская в уже упомянутом предисловии к архивной описи, «[М]ногие полевые материалы находятся на руках собирателей <...>. Не всегда, к сожалению, они возвращаются в архив» [АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Жуковская. Б. паг. (Л. 3)]. Тем не менее она полагает, что «[в] отдаленном будущем, когда все полевые документы вернутся от собирателей в архив, можно будет переработать опись по всем правилам архивного хранения» [Там же. Б. паг. (Л. 2)].

Попытки следовать «архивному идеалу» и стремление навести порядок, как было описано на примере деятельности комиссии полевых исследований в 1970-е гг., продолжают и в постсоветский период. В частности, для действующей сейчас в МАЭ РАН полевой комиссии регистрация полевых материалов в научном архиве служит условием включения их в отчет об экспедиции и зачета баллов за эту экспедицию при расчете стимулирующих надбавок [ПМА 2 2021].

Анализ вариантов ссылок и упоминаний полевых материалов, принятых в советской этнографии как исторической науке, выходит за рамки настоящей статьи. Однако стоит отметить, что традиция употребления формулы «полевые материалы автора» (ПМА), используемая учеными в настоящее время (в том числе автором этой статьи), установилась еще в 1950-е гг. [Туторский 2010: 292]. Размышляя над этой практикой сегодня, а также думая об организации хранения в условиях различных форм финансирования (например, грантового), необходимо учитывать историю развития советской этнографии, ее принадлежность к историческим наукам и логику отчетности советских

¹ Еще один способ обращения с полевыми архивами — публикация полевых материалов, дневников и других документов, подготовленных в результате этнографических экспедиций [Михайлова 2015; Соколова 2016]. Такие материалы, относящиеся к советскому времени, начали публиковать в регулярном сборнике «Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН», который был основан еще в 1970 г. Это усложняет вопрос о владении полевыми материалами и месте их хранения, поскольку при публикации происходит их перемещение из «антропологического архива» (личного или учреждения) в публичное поле.

научных институтов. Осмысление этого опыта и генеалогии современных практик отчетности может стать одним из направлений «пересборки истории и антропологии» в российской науке [Ssorin-Chaikov 2019].

Список сокращений

АМАЭ РАН — Научный архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской академии наук

АРАН — Архив Российской академии наук

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Архивные материалы

АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Жуковская И.В. Предисловие к описи Ф. К-1. Оп. 2. Полевые материалы из экспедиций и командировок АМАЭ РАН. 2006 г. <https://www.kunstkamera.ru/files/Archive_KK/opisi/f_k-i_op_2_polevye_materialy_iz_ekspeditsij_i_komandirovok_1914-2006gg.pdf>.

АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 5. Д. 27. Протоколы заседаний Ученого совета. 1954 г.

АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 5. Д. 185. Протоколы и стенограммы заседаний Ученого совета и приложения к ним. 1970 г.

АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 5. Д. 201. Протоколы и стенограммы заседаний Ученого совета и приложения к ним. 1971 г.

АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 61. Протоколы заседаний сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР и приложения к ним. 1961 г.

АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 1001. Приказы по основной деятельности Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1970 г.

АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 1013. Протоколы заседаний дирекции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1970 г.

АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 904. Протоколы заседаний комиссии полевых исследований Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1977 г.

АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 210. Стенограмма археолого-этнографической сессии [Отделения исторических наук АН СССР], посвященной итогам и перспективам экспедиционных работ. 1959 г.

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 17. Протокол производственного совещания сотрудников [Ленинградской части Института этнографии] от 25 ноября 1948 г.

Полевые материалы

ПМА 1 2021, ПМА 1 2022, ПМА 1 2023 — Полевые материалы автора 2021, 2022 и 2023 гг. Интервью с бывшими и нынешними научными

сотрудниками Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, Москва.

ПМА 2 2021 — Полевые материалы автора 2021 г. Интервью с бывшими и нынешними научными сотрудниками Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург.

Источники

Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. (ред.). Этнография: учебник. М.: Высш. школа, 1982. 320 с.

Громов Г.Г. Хозяйство и общественный быт колхоза имени Кирова Котовского района Горьковской области. М., 1951. 91 с. (Рукопись; Архив кафедры этнологии исторического факультета МГУ).

Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 119 с.

Дубровский Ю.Н. Научная организация труда // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 335–336.

Итс Р.Ф. Введение в этнографию: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 160 с.

Козьмин В.А. Полевая этнография: учеб. пособие. СПб., 2008. 177 с. (Рукопись; Архив кафедры этнографии и антропологии СПбГУ; также в сети: <https://vk.com/wall68636940_359>).

Макарьев С.А. Полевая этнография: краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР / Под ред. проф. В.Г. Богораза. Л.: Этнографич. экскурсионная комис. Этноотделения Геофака ЛГУ, 1928. 103 с.

Токарев С.А. Введение // Токарев С.А. (ред.). Основы этнографии. М.: Высш. школа, 1968. С. 5–38.

Толстов С.П. Этнография и современность // Советская этнография. 1946. № 1. С. 3–11.

Ушаков Н.В. Методика фиксации полевых материалов в полевых условиях для их дальнейшей архивации и музейной регистрации в камеральных условиях. СПб., 1998. 40 с. (Рукопись; Архив кафедры этнографии и антропологии СПбГУ).

Библиография

Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // Арзютов Д.В., Алымов С.С., Андерсон Д.Дж. (ред.). От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90.

Жданко Т.А., Крупянская В.Ю., Терентьева Л.Н. Об организации и методике полевых этнографических исследований // Советская этнография. 1956. № 3. С. 25–34.

Иванова Ю.В. Из истории Института этнографии (очень личные воспоминания) // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 43–53.

- Кадук Е.В., Кадук А.В. Полевые дневники Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. М.Г. Левина и Б.А. Куфтина: методология сбора и описания материала // Кунсткамера. 2021. № 2 (12). С. 104–122.
doi: 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-104-122.
- Касаткина А.К. Исследовательское интервью и открытый электронный архив: трансформация метода, новая технология представления, архив как место встречи // Пугачева М.Г. (ред.). Векторы развития современной России: от формирования ценностей к изобретению традиций: мат.-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. М.: Дело, 2015. С. 238–248.
- Касаткина А.К. На пути к открытым качественным данным // История: электронный научно-образовательный журнал. 2016. Т. 7. № 7 (51).
doi: 10.18254/S0001678-4-1.
<<https://history.jes.su/s207987840001678-4-1/>>.
- Ковальский С.О., Басов А.С. Северное поле в советской этнографии: мо-сковские экспедиции на Таймыр во второй половине XX в. // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 6–58.
doi: 10.17223/2312461X/46/1.
- Кузеев Р.Г. К вопросу об этнографическом источниковедении // Южно-уральский археографический сборник. Уфа: Би., 1976. Вып. 2. С. 39–45.
- Левин М.Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (к методологии изучения истории бесписьменных народов) // Советская этнография. 1961. № 1. С. 20–28.
- Лукина Н.В. О понятии «этнографический источник» (к постановке вопроса) // Плетнева Р.М. (ред.). Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. С. 24–28.
- Мартынова А.А. Исследовательский подход Г.Г. Громова в этнографии: Маг. дис. / МГУ. М., 2024. 154 с.
- Михайлова Е.А. Скитания Варвары Кузнецовой: Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой, 1948–1951 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2015. 190 с.
- Никишенков А.А., Верняев И.И., Новожилов А.Г., Титорский А.В. Предварительные результаты реализации проекта по созданию объединенного электронного архива полевых этнографических материалов МГУ и СПбГУ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2013. № 4. С. 215–218.
- Пименов В.В. Этнографический факт // Советская этнография. 1990. № 3. С. 43–52.
- Решетов А.М. О совершенствовании методов этнографической науки // Советская этнография. 1987. № 5. С. 61–66.
- Соколова З.П. Этнограф в поле: Западная Сибирь, 1950–1980-е годы: полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016. 942 с.
- Соколова З.П. Опыт моих полевых исследований, обработки и публикации полевых материалов (1956–2016 гг.) // Пивнева Е.А. (отв. ред., сост.). Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 77–96.

- Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х — начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.
- Стродс Х.П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1977. Вып. 3. С. 42–55.
- Тихонов В.В. Научный сотрудник позднесоветского времени и его работа: условия труда и их оценка // История: электронный научно-образовательный журнал. 2022. Т. 13. № 4 (114).
<<https://history.jes.su/s207987840021202-1-1/>>.
doi: 10.18254/S207987840021202-1.
- Туторский А.В. Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ) // Никишенков А.А. (отв. ред.). Кафедра этнологии исторического факультета МГУ — 70 лет: сб. науч. статей. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 273–293.
- Ушаков Н.В. Система учета и описания современных цифровых полевых этнографических материалов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 16. № 2 (127). С. 108–116.
- Ушаков Н.В. К вопросу об архивации и публикации полевого этнографического источника // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2015. № 4. С. 113–124.
- Форум: От поля к тексту // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 11–114.
doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114.
- Чистов Ю.К., Резван Е.А., Купина Ю.А., Михайлова Е.А. Кунсткамера. 295 лет. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого: история, исследования, коллекции. СПб.: Petronius, 2009. 416 с.
- Шмелева М.Н. Полевая работа и изучение современности // Советская этнография. 1985. № 3. С. 43–51.
- Щепанская Т.Б. Поморский дневник Т.А. Бернштам: к методике и практике полевой этнографической работы // Мазалова Н.Е., Винокурова И.Ю., Лапин В.А., Фишман О.М. (ред.). «Уведи меня, дорога»: сборник статей памяти Т.А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 7–16.
- Arzyutov D.V., Kan S.A. The Concept of the “Field” in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective // Sibirica. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 31–74.
doi: 10.3167/sib.2017.160103.
- Clifford J., Marcus G.E. (eds). Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley, CA: University of California Press, 1986. IX+305 p.
- da Cunha O.M.G. Imperfect Tense: An Ethnography of the Archive (trans. from Portugal by D.A. Rodgers) // Mana. 2006. Vol. 1. Selected edition. P. 1–28.
<http://socialsciences.scielo.org/pdf/s_mana/v1nse/scs_a01.pdf>.
- Dalsgård A.L., Rubow C., Rytter M. Introductory Notes // Andersen A.O., Dalsgård A.L., Kusk M.L., Nielsen M., Rubow C., Rytter M. (eds). Anthropology Inside Out: Fieldworkers Taking Notes. Herefordshire: Sean Kingston Publishing, 2020. P. 1–10.

- Elliott D., Wolf-Meyer M.J.* A Brief History of the Ethnographic Fieldnote and Its Possible Futures // Elliott D., Wolf-Meyer M.J. (eds). *Naked Fieldnotes: A Rough Guide to Ethnographic Writing*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2023a. P. IX–XXI.
- Elliott D., Wolf-Meyer M.J.* (eds). *Naked Fieldnotes: A Rough Guide to Ethnographic Writing*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2023b. XLVII+320 p.
- Emerson R.M., Fretz R.I., Shaw L.L.* *Writing Ethnographic Fieldnotes*. 2nd ed. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2011. XXIII+289 p. (Chicago Guides to Writing, Editing, and Publishing).
- Hedeşan O.* Doing Fieldwork in Communist Romania // Mihăilescu V., Iliev I., Naumović S. (eds). *Studying Peoples in the People's Democracies II: Socialist Era Anthropology in South-East Europe*. Berlin: Lit Verlag, 2008. P. 21–39.
- Jackson J.E.* "I Am a Fieldnote": Fieldnotes as a Symbol of Professional Identity // Sanjek R. (ed.). *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990. P. 3–33.
- Karlson A., Boldāne-Zelenkova I.* Outlines of the Soviet Latvian Ethnography: Fieldwork in the Post-War Period // *Letonica*. 2021. No. 43. P. 59–90. doi: 10.35539/LTNC.2021.0043.A.K.I.B.Z.59.90.
- Leopold R.* The Second Life of Ethnographic Fieldnotes // *Ateliers du LESC*. 2008. No. 32. P. 1–9. doi: 10.4000/ateliers.3132.
- Marcus G.E.* The Once and Future Ethnographic Archive // *History of the Human Sciences*. 1998. Vol. 11. No. 4. P. 49–63. doi: 10.1177/095269519801100404.
- Mills D.* *Difficult Folk? A Political History of Social Anthropology*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2008. X+221 p.
- Sanjek R.* (ed.). *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990a. XVIII+429 p.
- Sanjek R.* Preface // Sanjek R. (ed.). *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990b. P. XI–XVIII.
- Silverman S.* Introduction // Silverman S., Parezo N.J. (eds). *Preserving the Anthropological Record*. 2nd ed. New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1995. P. 1–14.
- Slezkine Yu.* The Fall of Soviet Ethnography, 1928–38 // *Current Anthropology*. 1991. Vol. 32. No. 4. P. 476–484. doi: 10.1086/203986.
- Ssorin-Chaikov N.* Reassembling History and Anthropology in Russian Anthropology. Part I // *Social Anthropology*. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 320–335. doi: 10.1111/1469-8676.12628.
- Zeitlyn D.* Anthropology in and of the Archives: Possible Futures and Contingent Pasts. Archives as Anthropological Surrogates // *Annual Review of Anthropology*. 2012. Vol. 41. P. 461–480. doi: 10.1146/annurev-anthro-092611-145721.

From the Field to the Archive: A Methodology of the Creation and Bureaucratic Accountability of Ethnographic Materials in Late Soviet Ethnography

Daria Moskvina

HSE University

4 Soyuza Pechatnikov Str., St Petersburg, Russia

damoskvina@icloud.com

This article examines the ideas of Soviet ethnographers from Moscow academic institutions regarding the creation, processing, and storage of field materials through the lens of two characteristics of the discipline: 1) the institutional affiliation of Soviet ethnography with the historical sciences, and 2) the bureaucratic system of the Institute of Ethnography of the Soviet Academy of Sciences, which required accountability of the results of fieldwork. The author argues that the two established characteristics of field materials — as documents for bureaucratic accountability and as historical sources — were shaped under the influence of the concept of the archive: on the one hand, as an outcome of the discipline's understanding of ethnographic knowledge as historical, and on the other, as a tool for the management and systematisation of that knowledge. The discussion draws on two case studies from the history of central ethnographic institutions: the methodological recommendations for creating and processing of field ethnographic materials formalised in Genady Gromov's guide *Methodology of Ethnographic Expeditions* (Moscow State University, 1966), and the establishment of the Field Committee at the Moscow Institute of Ethnography in 1970 to control the expedition process and the organisation of archival storage of its results. In both cases, The author highlights how the concept of the archive was articulated in these contexts. The conclusion addresses the limitations of implementing this system of accountability, notwithstanding the symbolic role of the centralised storage of ethnographic materials.

Keywords: Soviet ethnography, anthropological archive, field materials, history of anthropology.

References

- Alymov S. S., Arzyutov D. V., 'Marksistskaya etnografiya za sem dney: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsialnykh naukakh v 1920–1930-e gody' [Marxist Ethnography in Seven Days: A Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad and Debates in Soviet Social Sciences in the 1920s–1930s], Arzyutov D. V.,

- Alymov S. S., Anderson D. J. (eds), *Ot klassikov k marksizmu: soveshchaniye etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.)* [From the Classics to Marxism: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (5–11 April 1929)]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2014, pp. 21–90. (In Russian).
- Arzyutov D. V., Kan S. A., ‘The Concept of the “Field” in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective’, *Sibirica*, 2017, vol. 16, no. 1, pp. 31–74. doi: 10.3167/sib.2017.160103.
- Chistov Yu. K., Rezvan E. A., Kupina Yu. A., Mikhailova E. A. (eds), *Kunstkamera. 295 let. Muzey antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo: istoriya, issledovaniya, kolleksii* [Kunstkamera. 295 Years. The Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography: History, Research, Collections]. St Petersburg: Petronius, 2009, 416 pp. (In Russian).
- Clifford J., Marcus G. E. (eds), *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, CA: University of California Press, 1986, IX+305 pp.
- da Cunha O. M. G., ‘Imperfect Tense: An Ethnography of the Archive (trans. from Portugal by D. A. Rodgers)’, *Mana*, 2006, vol. 1, selected edition, pp. 1–28. <http://socialsciences.scielo.org/pdf/s_mana/v1nse/scs_a01.pdf>.
- Dalsgård A. L., Rubow C., Rytter M., ‘Introductory Notes’, Andersen A. O., Dalsgård A. L., Kusk M. L., Nielsen M., Rubow C., Rytter M. (eds), *Anthropology Inside Out: Fieldworkers Taking Notes*. Herefordshire: Sean Kingston Publishing, 2020, pp. 1–10.
- Elliott D., Wolf-Meyer M. J., ‘A Brief History of the Ethnographic Fieldnote and Its Possible Futures’, Elliott D., Wolf-Meyer M. J. (eds), *Naked Fieldnotes: A Rough Guide to Ethnographic Writing*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2023, pp. IX–XXI.
- Elliott D., Wolf-Meyer M. J. (eds), *Naked Fieldnotes: A Rough Guide to Ethnographic Writing*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2023, XLVII+320 pp.
- Emerson R. M., Fretz R. I., Shaw L. L., *Writing Ethnographic Fieldnotes*, 2nd ed. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2011, XXIII+289 pp. (Chicago Guides to Writing, Editing, and Publishing).
- ‘Forum: Ot polya k tekstu’ [Forum: From Fieldwork to Written Text], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 36, pp. 11–114. (In Russian). doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114.
- Hedeşan O., ‘Doing Fieldwork in Communist Romania’, Mihăilescu V., Iliev I., Naumović S. (eds), *Studying Peoples in the People’s Democracies II: Socialist Era Anthropology in South-East Europe*. Berlin: Lit Verlag, 2008, pp. 21–39.
- Ivanova Yu. V., ‘Iz istorii Instituta etnografii (ochen lichnye vospominaniya)’ [From the History of the Institute of Ethnography (Very Personal Recollections)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2003, no. 5, pp. 43–53. (In Russian).
- Jackson J. E., ‘“I Am a Fieldnote”: Fieldnotes as a Symbol of Professional Identity’, Sanjek R. (ed.), *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990, pp. 3–33.
- Kaduk E., Kaduk A., ‘Polevye dnevniki Tunguskoj ekspeditsii 1927–1928 gg. M. G. Levina i B. A. Kuftina: metodologiya sbora i opisaniya materiala’ [The Field Diaries of the 1927–1928 Tungus Expedition of M. G. Levin and B. A. Kuftin: The Methodology of Collecting and Describing the

- Materials], *Kunstkamera*, 2021, no. 2 (12), pp. 104–122. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-104-122.
- Karlsone A., Boldāne-Zeļenkova I., ‘Outlines of the Soviet Latvian Ethnography: Fieldwork in the Post-War Period’, *Letonica*, 2021, no. 43, pp. 59–90. doi: 10.35539/LTNC.2021.0043.A.K.I.B.Z.59.90.
- Kasatkina A. K., ‘Issledovatel'skoe intervyyu i otkrytyy elektronnyy arkhiv: transformatsiya metoda, novaya tekhnologiya predstavleniya, arkhiv kak mesto vstrechi’ [The Research Interview and the Open Electronic Archive: Transformation of the Method, New Presentation Technology, and the Archive as a Meeting Place], Pugacheva M. G. (ed.), *Vektory razvitiya sovremennoy Rossii: ot formirovaniya tsennostey k izobreteniyu traditsiy* [Vectors of Development of Contemporary Russia: From Value Formation to the Invention of Traditions]: Proceedings of the 13th International Scientific Conference of Young Scholars. Moscow: Delo, 2015, pp. 238–248. (In Russian).
- Kasatkina A. K., ‘Na puti k otkrytym kachestvennym dannym’ [Towards Open Qualitative Data], *Istoriya: electronic scientific and educational journal*, 2016, vol. 7, no. 7 (51). <<https://history.jes.su/s207987840001678-4-1/>>. (In Russian). doi: 10.18254/S0001678-4-1.
- Kovalskiy S. O., Basov A. S., ‘Severnoe pole v sovetskoy etnografii: moskovskie ekspeditsii na Taymyr vo vtoroy polovine XX v.’ [The Northern Field in Soviet Ethnography: Moscow-based Expeditions to the Taimyr Peninsula in the Second Half of the 20th Century], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2024, no. 4, pp. 6–58. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/1.
- Kuzeev R. G., ‘K voprosu ob etnograficheskom istochnikovedenii’ [On the Issue of Ethnographic Source Studies], *Yuzhnoural'skiy arkheograficheskiy sbornik* [South Ural Archaeographic Collection]. Ufa: s. n., 1976, is. 2, pp. 39–45. (In Russian).
- Leopold R., ‘The Second Life of Ethnographic Fieldnotes’, *Ateliers du LESC*, 2008, no. 32, pp. 1–9. doi: 10.4000/ateliers.3132.
- Levin M. G., ‘Etnograficheskie i antropologicheskie materialy kak istoricheskiy istochnik (k metodologii izucheniya istorii bespismennykh narodov)’ [Ethnographic and Anthropological Materials as Historical Sources (On the Methodology of Studying the History of Non-Literate Peoples)], *Sovetskaya etnografiya*, 1961, no. 1, pp. 20–28. (In Russian).
- Lukina N. V., ‘O ponyatii “etnograficheskiy istochnik” (k postanovke voprosa)’ [On the Concept of the “Ethnographic Source” (Toward a Formulation of the Question)], Pletneva R. M. (ed.), *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri* [Methodological Aspects of Archaeological and Ethnographic Research in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk University Press, 1981, pp. 24–28. (In Russian).
- Marcus G. E., ‘The Once and Future Ethnographic Archive’, *History of the Human Sciences*, 1998, vol. 11, no. 4, pp. 49–63. doi: 10.1177/095269519801100404.
- Martynova A. A., *Issledovatel'skiy podkhod G. G. Gromova v etnografii* [G. G. Gromov's Research Approach in Ethnography]: MA thesis. Moscow, 2024, 154 pp. (In Russian).
- Mikhaylova E. A., *Skitaniya Varvary Kuznetsovoy: Chukotskaya ekspeditsiya Varvary Grigorevny Kuznetsovoy, 1948–1951 gg.* [Varvara Kuznetsova's

- Wanderings: The Chukchi Expedition of Varvara Kuznetsova, 1948–1951]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2015, 190 pp. (In Russian).
- Mills D., *Difficult Folk? A Political History of Social Anthropology*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2008, X+221 pp.
- Nikishenkov A. A., Vernyayev I. I., Novozhilov A. G., Tutorskiy A. V., 'Predvaritelnye rezultaty realizatsii proekta po sozdaniyu obyedinennogo elektronnoho arkhiva polevykh etnograficheskikh materialov MGU i SPbGU' [Preliminary Results of the Project to Create a Unified Electronic Archive of Field Ethnographic Materials of MSU and SPbSU], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, series 2: History, 2013, no. 4, pp. 215–218. (In Russian).
- Pimenov V. V., 'Etnograficheskiy fakt' [The Ethnographic Fact], *Sovetskaya etnografiya*, 1990, no. 3, pp. 43–52. (In Russian).
- Reshetov A. M., 'O sovershenstvovanii metodov etnograficheskoy nauki' [On Perfecting the Methods of Ethnography], *Sovetskaya etnografiya*, 1987, no. 5, pp. 61–66. (In Russian).
- Sanjek R. (ed.), *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990, XVIII+429 pp.
- Sanjek R., 'Preface', Sanjek R. (ed.), *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990, pp. XI–XVIII.
- Shchepanskaya T. B., 'Pomorskiy dnevnik T. A. Bernshtam: k metodike i praktike polevoy etnograficheskoy raboty' [The Pomor Diary of T. A. Bernshtam: On the Methodology and Practice of Ethnographic Field Work], Mazalova N. E., Vinokurova I. Yu., Lapin V. A., Fishman O. M. (eds), "Uvedi menya, doroga" ["Take Me Away, Road"]: A collection of articles in memory of T. A. Bernshtam. St Petersburg: MAE RAS Press, 2010, pp. 7–16. (In Russian).
- Shmeleva M. N., 'Polevaya rabota i izuchenie sovremennosti' [Field Work and the Study of Contemporary Life], *Sovetskaya etnografiya*, 1985, no. 3, pp. 43–51. (In Russian).
- Silverman S., 'Introduction', Silverman S., Parezo N. J. (eds), *Preserving the Anthropological Record*, 2nd ed. New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1995, pp. 1–14.
- Slezkine Yu., 'The Fall of Soviet Ethnography, 1928–38', *Current Anthropology*, 1991, vol. 32, no. 4, pp. 476–484. doi: 10.1086/203986.
- Sokolova Z. P., 'Opyt moikh polevykh issledovaniy, obrabotki i publikatsii polevykh materialov (1956–2016 gg.)' [The Experience of My Field Research, Processing and Publication of Field Materials (1956–2016)], Pivneva E. A. (ed., comp.), *Pole kak zhizn: k 60-letiyu Severnoy ekspeditsii IEA RAN* [The Field as Life: On the 60th Anniversary of the Northern Expedition of IEA RAS]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017, pp. 77–96. (In Russian).
- Sokolova Z. P., *Etnograf v pole: Zapadnaya Sibir, 1950–1980-e gody: polevye materialy, nauchnye otchety i dokladnye zapiski* [The Ethnographer in the Field: Western Siberia, 1950–1980s: Field Materials, Scientific Reports and Memoranda]. Moscow: Nauka, 2016, 942 pp. (In Russian).
- Solovey T. D., "Korennoy perelom" v otechestvennoy etnografii (diskussiya o predmete etnologicheskoy nauki: konets 1920-kh — nachalo

- 1930-kh godov' ["A Radical Turn" in Our Domestic Ethnography (A Discussion on the Subject of Ethnological Science: Late 1920s — Early 1930s)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 3, pp. 101–121. (In Russian).
- Ssorin-Chaikov N., 'Reassembling History and Anthropology in Russian Anthropology. Part I', *Social Anthropology*, 2019, vol. 27, no. 2, pp. 320–335. doi: 10.1111/1469-8676.12628.
- Strods H., 'Polevye etnograficheskie istochniki v istoricheskikh issledovaniyakh' [Field Ethnographic Sources in Historical Research], *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [Source Studies of Russian History]. Moscow: Nauka, 1977, is. 3, pp. 42–55. (In Russian).
- Tikhonov V. V., 'Nauchnyy sotrudnik pozdnesovetskogo vremeni i ego rabota: usloviya truda i ikh otsenka' [A Scholar of Late Soviet Times and His Labour: Working Conditions and Their Assessment], *Istoriya: electronic scientific and educational journal*, 2022, vol. 13, no. 4 (114). <<https://history.jes.su/s207987840021202-1-1/>>. (In Russian). doi: 10.18254/S207987840021202-1.
- Tutorskiy A. V., 'Metody sbora i sposoby tekstualizatsii polevogo materiala (na primere Severnoy ekspeditsii kafedry etnografii MGU)' [Methods of Collecting and Textualising Field Material (On the Example of the Northern Expedition of the Department of Ethnography of Moscow State University)], Nikishenkov A. A. (ed.), *Kafedre etnologii istoricheskogo fakulteta MGU — 70 let* [The Department of Ethnology of the History Faculty of Moscow State University Is 70 Years Old]: A collection of scientific articles. Moscow: Moscow State University Press, 2010, pp. 273–293. (In Russian).
- Ushakov N. V., 'Sistema ucheta i opisaniya sovremennykh tsifrovyykh polevykh etnograficheskikh materialov' [A Record and Description System of Modern Digital Ethnographic Field Materials], *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*, series 2: Humanities, 2014, vol. 16, no. 2 (127), pp. 108–116. (In Russian).
- Ushakov N. V., 'K voprosu ob arkhivatsii i publikatsii polevogo etnograficheskogo istochnika' [On the Question of Archiving and Publication of Ethnographic Field Sources], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, series 2: History, 2015, no. 4, pp. 113–124. (In Russian).
- Zeitlyn D., 'Anthropology in and of the Archives: Possible Futures and Contingent Pasts. Archives as Anthropological Surrogates', *Annual Review of Anthropology*, 2012, vol. 41, pp. 461–480. doi: 10.1146/annurev-anthro-092611-145721.
- Zhdanko T. A., Krupnyanskaya V. Yu., Terentyeva L. N., 'Ob organizatsii i metodike polevykh etnograficheskikh issledovaniy' [On the Organisation and Methodology of Field Ethnographic Research], *Sovetskaya etnografiya*, 1956, no. 3, pp. 25–34. (In Russian).